

Гвардии старшина Яков Денисов

Слово об отце

Однажды мы собирали грибы в Атаманском лесу, и отец впервые рассказал мне, шестилетней девочке, о Великой Отечественной войне, показал солдатские окопы, в которых в дни сражения за мой родной город погибли множество советских воинов. Именно так — через заросшие травой траншеи, в начале 60-х годов еще почти не тронутые поисковиками, пришло ко мне осознание чего-то страшного и вместе с тем героического, к чему «мой папаша», как называла я его в детстве, имеет прямое отношение.

На передовой

Позднее это чувство оформилось и выразил, подкрепил личными знаниями, впечатлениями из книг и кинолент, профессиональным интересом к рассказам фронтовиков, но все равно главным человеком, давшим мне ощущение ответственности перед мамой, навсегда осталась мой отец — Яков Моисеевич Денисов.

Он восточных окраин страны до сердца Европы прошел его воинский путь. Призванный в армию осенью 1939 года, он был направлен в 11-й артиллерийский и в начале войны в Германский успешно отслужил уже большую часть положенного срока. Так что на фронт попал опытным солдатом.

Отец редко рассказывал о войне, но вспоминал ее с детства давался ему с огромным энтузиазмом специальное направление. И не только потому, что Великому Отечественному он провел целиком на передовой, балансируя между жизнью и смертью — сначала различком стрелкового полка, потом командиром взвода из состава полковых кабельных линий. Сталинградская битва, перенесенная через Днепр, ожесточенные бои за Будапешт, освобождение Праги, Вены — это главные вехи его дороги к Великой Победе, за которую он отличился орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Будапешта», «За освобождение Вены», «За Освобождение Праги». Еще одну свою медаль — «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», гвардии сержант Яков Денисов получил в марте 1946 года, находясь по призыву с оружием руках. Механизированному артиллерийскому полку, в котором он служил, пришлось до лета 1946 года добывать не ставших фашистов в предгорьях Чехии.

Наследство от старшего брата

В родную деревню Лягу, которая теперь находится на дне Оскольского водохранилища, он вернулся только осенью. И оказалось, что рядом с матерью, умершей еще в его отрочестве, на по-

госте лежат отец и младший брат. Престарелый отец умер в оккупации, не оправившись после тифа, а Иван подорвался на фашистской мине. От старшего брата Егора, погибшего в самом начале войны, ему достались в наследство две двоюродные сироты — Коля и Тамара, пригнанные в село Незнамово в дальние родственники. И в дальнейшем именно он будет вести их по жизни до тех пор, пока сами не встанут крепко на ноги, не обзаведутся семьями.

Начавшаяся мирная жизнь принесла отцу новые испытания. Вернувшись с войны с тысячами орденов и наградами, место отца откапывались братья в родном казачьем производстве. А оставшись в деревне, где в старом родительском доме обновились сводная сестра по отцовской линии с семьей, он тоже не мог. По той же все повество — изныл собственным рабочим в хозяйстве. И Большой старшина, нисколько не смущаясь, стал колоть дрова, носить мешки, воду, чистить на кухне картошку. Ночевать ходил пешком в Незнамово, где жили племянники.

Сыльбоносный обел

Многие годы спустя, моя мама с улыбкой так рассказывает нам, своим детям, о первом впечатлении от встречи с отцом: «Он сидел за столом подсобки — долговязый, с бритой головой, носом молчаливый и грустный. Рассказывал он о чем-то мне с детства, как ребята, сидя на кухне, избегали, потому что от военных он сразу начинал странно заикаться. Но тогда позже я узнала, что и голоду он был из-за контузии, потому что каждое прикосновение к отравляющим веществам приносит боль».

И все же она первой позвала его вместе со всеми обедать. Отец сначала откасался, сославшись на то, что не заработал еще на обед. Но она, не растерявшись, выпалила: «А в своем супном и хлебом поелешь!» И сказала это так просто и по-домашнему, что он покраснел и сел рядом, чтобы уже никогда не отступать от себя эту добрую и везущую девушку. А через два месяца они поженились и потом прожили вместе больше полвека луна в дуплу, растел дель и нуков.

Тяжелая память

Отец редко соглашался выступать с трибуны как ветеран, хотя городских митингов в Вечном огне на День Победы никогда не пропускал. Зная, как избирательно он относится к художественным произведениям на военную тему, а среди множества замечательных и самых разных кинолент он больше всего ценит «Горный сыщик» и «Освобождение», можно было понять — его память тяжелая.

Сохранялись отдельные записки и мое поколение: о том, как его младшему брату батарея стояла на излучине Дона летом 1942 года,

преграждая фашистам путь на юг страны, как в этих страшных боях от стрелкового полка не остался и половины численного состава. Именно там отец получил осколочное ранение и попал в госпиталь, а вернулся назад уже в октябре, угодив в самое пекло боя за Сталинград.

О своих соратниках тех страшных сражений он тоже не раз начинал рассказывать, но всякий раз наш разговор оборачивался. Увидя дрожание рук отца и слезы в васильковых глазах, я обнимала его за плечи и старалась пережить разговор на что-то другое.

Под звон колоколов

А недавно, восстанавливая по сохранившимся личным и архивным документам его боевой путь, мне наконец открылось очевидное — дважды из-за огромных боевых потерь отец участвовал в реформировании воинских частей — сначала под Сталинградом, потом в Молдавии, в городе Котковске.

В конце 90-х он попросил меня сделать запрос в архив военно-медицинских документов, чтобы получить сведения о перенесенном им втором ранении. Вот что написано в сохранившемся черновике его запроса: «В 1944 году в декабре месяце в составе артиллерийского дивизиона 6 механизированного корпуса 2 гвардейской армии я участвовал в боях по окружению Будапештской группировки немецких войск. При прорыве обороны противника излучил ранение с контузией, был помещен сначала в медсанбат, потом отправлен в госпиталь. Какое это были населенные пункты, я не помню, но точно знаю — наступали мы с жюжно фланга, завершая прорыв Будапештской группировки. Пропу выслать мне справку из этих учреждений по адресу...»

Ответ из архива мы не получили. Отец умер летом 1997-го, на праздник Святого Палатеймона Целителя. В тот день воево по Ямской слободе звонили церковные колокола, в воздухе пахло елепы-

жине контрактия у высоты 88.07 и во многом способствовала продвижению наших частей вперед». Образ моего отца — сдержанного, скромного и тактичного человека, ценящего юмор и самого умоченного попутчик, совсем не выжест со словом «подвиг». Мне до сих пор гораздо легче представлять его с газетой в руках рассуждающего о политике или сидящего у учебного стола с диктором в руках во дворе нашего деревянного дома. Хотя, кто знает, благодаря кому в 1945 году страна выиграла эту страшную войну — brutalным хребцам, готовым в любую минуту героически сложить голову, или спокойным, терпеливым, смекалистым людям, кто мог с присущей им осмотрительностью и выносливостью свой солдатский долг, и остаться в живых?»

Моему отцу почастиливому, оставаясь в живых, хотя он не раз бывал на волосок от смерти. Судьбы сами не записи в спорно-дательном документе к призыву о награждении его «Орденом Красной звезды», которого он был удостоен в январе 1945 года: «В боях на территории Венгрии показал образцы мужества и отваги. Во время боя под городом Лиге батарея была в окружении вражеских танков и автоматов. С личным оружием в руках тов. Денисов, заняв позицию батарея слева, автоматом и гранатами истребил до 10 солдат противника.

Во время боя под городом Камбек тов. Денисов под ураганным огнем противника 5 раз исправляя линию, чем способствовал беспрерывной огню».

Отец не просто любил жизнь, а был по отношению к ней всегда предельно ответственным. Перенеся на фронте тяжелое волеизлияние легких, тут же бросил курить, хотя сам рассказывал с юности курил махорку. Имел возможность окружить себя вполне заслуженным вниманием и комфортом, ценил простой жизненный уклад, незатейливую пищу, поэтому нередко сам же и готовил, а еще разговоры по душам.

В детстве я с нетерпением ждала, чтобы отец возвращался с работы. Хотя и приходила домой уставшим, отец после ужина частенько усаживал меня в свой «Урал», и мы ехали на реку или в лес. Он мог просто лежать на берегу или где-нибудь в тени деревьев, наблюдая за мной из под кустов. Бывать им все равно не мешало. А мне рядом с ним открывался целый мир — в тонля на речной отмели мальки, собирающая земляника или ромашки, высветляющая у норки ежика...

Нам кажется, что родители неизменно будут рядом, что мы еще успеваем быть им все благодарными и важными. По этой же причине — не найшла об отце при его жизни. И делало это теперь, когда в семье уже выросло два новых поколения — четверо его внуков и шестеро правнуков.

Ольга Андреева